ПОИСКИ
ФАКТЫ
ГИПОТЕЗЫ

В. Е. Гусев

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО КАЛЕНДАРЯ

(К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН)

Среди разнообразных источников, привлекавшихся до сих пор в дискуссиях по проблеме этногенеза славянских народов, в недостаточной мере учитывались временные представления древних славян, особенно праславянский календарь. Хотя лингвистами проделана большая и плодотворная работа в области этимологии славянских наименований месяцев, однако предложенные реконструкции календаря в целом нуждаются в уточнении.

Л. Нидерле на основании сравнительного анализа названий месяцев во всех славянских языках пришел к скептическому выводу относительно существования у древних славян единой календарной системы, утверждая, что у них «не было еще различий двенадцати месяцев с соответствующими названиями», что они пользовались сезонными определениями для времени мороза, цветения травы и т. п., а постоянная номенклатура установилась лишь с введением юлианского календаря, с которым расселившиеся славянские народы стали соотносить различные сезонные наименования, возникшие еще в эпоху славянского единства [1].

Прямо противоположное утверждение находим в статье современного чехословацкого лингвиста В. Шаура, составившего наиболее полную обзорную таблицу названий месяцев у всех славянских народов: «Распространено мнение, что один и тот же месяц праславяне обозначали несколькими словами. По нашему мнению, данные диалектов обнаруживают такое состояние в историческую эпоху, однако для эпохи праславянского единства то же самое предполагать нельзя. Измерение времени (календарь) столь важно для сельскохозяйственных работ, что в эпоху, когда время можно было измерять только при помощи данных, полученных из наблюдений над небом и погодой, необходима была самая точная однозначность и определенность соответствующих названий отрезков времени» [2].

Почти все писавшие о праславянском календаре в целом или толковавшие названия того или иного месяца опирались прежде всего на старейшие памятники славянской письменности, причем соотносили каждый месяц юлианского календаря с определенным названием на старославянском (церковнославянском) и древнерусском языках. Пользуясь пока этим традиционным способом, сопоставим юлианский календарь, во-первых, с зафиксированными названиями месяцев в Остромировом

---

[1] *L. Niederle.* Slovanske starozitnosti. Oddil kulturalni, dil III, sv. 2. Praha, 1925, s. 747. Ср.: *Л. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, с. 414.

[2] *В. Шаур.* К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев.— «Этимология. 1971». М., 1973, с. 93—94.

Таблица 1

Названия месяцев в старославянском и древнерусском языках

Месяцы	Остромирово евангелие	Галицкое четверо-евангелие	Стихирарь XII в.	Полоцкое харатейное евангелие	Другие источники	Л. Нидерле	В. Шаур
Январь	просиньць	просинець	—	проснецъ		prosinьcь	просиньць сѣчьнь
Февраль	—	сѣченъ	сѣчьнъ	снѣжнъ	свадебный (Новг. летопись XV в.)	secenь svadebnyj	сѣчьнь сѣченъ
Март	—	сухый	сухый	сухый	березозолъ (по И. И. Срезневскому)	lъzujakъ * suhyj	брѣзьнъ брѣзокъ
Апрель	—	березозолъ	брѣзьнъ	беррз	брѣзокъ брѣзозоръ травенъ (по И. И. Срезневскому)	brězьnь berezozolъ brězokъ	—**
Май	—	травнъ	травьнъ	травень		travьnь travenъ	трѣвьнь трѣвень
Июнь	—	изокъ	—	изокъ	изокъ (Апостольское посл. 1220 г.)	izokъ	изокъ
Июль	—	червенъ	—	черень	червьць (Апостол 1307 г.)	crьvьnь	чрьвень
Август	заревъ	зареѳъ	заревъ	зарвъ	рунь (Евангелие XII в.)	zarevъ srьrьnъ	сьрпьнъ
Сентябрь	—	рюенъ	—	рюинъ	рюинъ (Евангелие XIV в.)	vresenь vresenь rjujenь	врѣсьнь врѣсенъ заревъ
Октябрь	—	листопадъ	—	—	листогонъ (Ватиканское глаголическое еванг.)	listopadъ	руень рюинъ руинъ
Ноябрь	—	груденъ	—	—	груденъ (Повесть временных лет); студеный (Еванг. XIV в.)	grudьnъ	листопад грудьнь груденъ
Декабрь	—	студеный	студеный	—	студеный (Еванг. XIV в.)	prosinьcь studenъ	просиньць просеньць студенъ

* Название «lъzujakъ», не встречающееся в привлеченных источниках, реконструируется Л. Нидерле и соответствует болгарскому «лажу», народному сербскохорватскому «лажак», современному литературному сербскохорватскому «ожујак» (со значением «ложный», «непостоянный»).

** В таблице В. Шаура в другом ряду («русские диалекты») названы «цветень», «цвитень».

евангелии (XI в.), в Галицком Четвероевангелии (1144 г.), в Стихираре XII в., в Полоцком харатейном евангелии и в некоторых других памятниках средневековой русской письменности и, во-вторых, сравним эти названия с соответствующими рядами в таблицах названных чехословацких исследователей[3].

Как следует из приведенной таблицы, более объективно номенклатура месяцев, встречающаяся в письменности, воспроизведена в книге Л. Нидерле.

Разумеется, одних названий, зафиксированных в древнейших памятниках на старославянском и древнерусском языках, недостаточно, чтобы реконструировать праславянский календарь. Для этого необходимо привлечь данные сравнительной лингвистики, учесть соответствующую лексику на всех славянских языках — как в старых памятниках, так и в живых языках, включая диалекты, что и делает, в частности, В. Шаур. В его таблице учтено свыше 200 различных названий. Более обстоятельное исследование отдельных языков и их диалектов значительно увеличило бы эту цифру. Достаточно сказать, что Т. Голыньска-Баранова приводит около 100 названий на одном украинском языке[4]! Все это лексическое богатство предоставляет этнографу и фольклористу интереснейший, далеко не исчерпанный материал для изучения не только народных календарей, но и для суждений о мировоззрении, трудовых навыках, особенностях образного мышления, бытовом укладе того или иного славянского народа[5].

Однако В. Шаур прав, когда утверждает, что лишь немногие из большого количества названий могут быть отнесены к эпохе славянской общности. Исконными могут считаться лишь те, которые имеют генетическое сходство в разных славянских языках. Такими названиями являются следующие (приводим их здесь в русском варианте): просинец, сечень, лютый, снежень, сухий, березень, цветень (кветень), травень, изок, червень, липень, рюен, серпень, вересень, листопад, паздерник, грудень, студеный (студень). Но надо считаться с тем, что не все эти названия распространены в равной мере: некоторые из них встречаются лишь в языках, имеющих самое близкое родство («снежен» в древнерусском и «снежань» в белорусском), другие — у народов, хотя и принадлежащих к разным языковым группам, но вступавших в непосредственные языковые контакты («лютый» — в древнерусском, белорусском, украинском и польском), третьи — у народов, относящихся к разным языковым группам и непосредственно не соприкасающихся. Очевидно, с наибольшей уверенностью и доказательностью можно говорить об исконности названий, встречающихся у народов, принадлежащих к трем ветвям славянских языков — восточнославянской, западнославянской и южнославянской. Таких общеславянских названий 14, что позволяет реконструировать их праславянскую форму: **prosinьcь, *secьnь, *berzьnь, *cvětьnь, *travьnь, *cьrvьnь, *lipьnь, *sьrpьnь, *rujьnь, *versьnь, *listopadъ, *pazdernikъ, *grudьnь, *studьnь*[6].

---

[3] *L. Niederle.* Указ. раб., с. 748—749; *В. Шаур.* Указ. раб., вклейка между с. 94 и 95. В этих таблицах ссылки на привлекаемые нами источники отсутствуют. См. *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1903; Дополнения. СПб., 1912. Нами учтены также новейшие этимологические словари славянских языков. Библиографию см.: «Этимологический словарь славянских языков», вып. 1. М., 1974.

[4] *T. Hołynska-Baranova.* Ukrainskie nazwy miesięcy na tle ogolnosłowianskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 9 (сводная таблица).

[5] Из работ советских этнографов и фольклористов укажем исследование В. И. Чичерова, где обильно привлечен соответствующий материал на русском языке. (*В. И. Чичеров.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957).

[6] Этот перечень в большей части совпадает с выводами В. Шаура (указ. раб., с. 100), однако, кроме названных им 12 месяцев, включает не учтенные им **pazdernikъ*

Можно предположить, что праславянская номенклатура, относящаяся к месяцам, не ограничивалась перечисленными названиями. Вероятно, древнерусские названия «сухый» и «изок» также были известны славянским племенам до их расселения, поскольку эти названия встречаются у народов, принадлежащих к разным и неконтактным языковым группам: «сухий» в украинском языке, «сух», «сухи» — в староболгарском, «сушац» в сербскохорватском, «susec» — в словенском; «изоку» в древнерусском языке соответствует «izok» в западнославянских языках (старочешском и старопольском). Только одно название — «зарев», зафиксированное в ранних письменных памятниках, возможно, было специфически древнерусским, употреблявшимся наравне с общеславянским «серпень» (**sьrpьnь*); это предположение подтверждается сохранностью аналогичных названий месяца лишь в диалектах русского языка — зарничек, зарник, зорничек, светозарник и т. п.[7]

Возникает самый важный и вместе с тем самый сложный вопрос—как соотносились между собой все эти названия и каким названиям месяцев юлианского календаря они соответствовали? Полный учет источников по старославянскому языку и средневековой письменности на различных славянских языках позволяет установить следующую закономерность: *одно и то же название во многих случаях относилось к смежным месяцам.* Так, «просинцем» называли декабрь и январь, «сечнем» — январь и февраль, «березнем» (и его аналогами) — март и апрель, «кветнем» («цветнем») — апрель и май, «травнем» — апрель и май, «червнем»— июнь и июль, «вереснем» («вреснем») — август и сентябрь, «листопадом» — октябрь и ноябрь, «груднем» — ноябрь и декабрь, «студнем» — ноябрь и декабрь[8]. Подчеркнем, что речь идет не о позднейшем, после расселения славян в разные природно-климатические зоны, перераспределении названий и закреплении одного названия за различными месяцами у разных славянских народов, а именно об одинаковом названии смежных месяцев юлианского календаря на одном каком-либо языке. Позднее, чтобы различить эти названия, к ним прибавлялись дополнительные эпитеты (первый, второй, малый, большой) или в названии второго месяца появлялся уменьшительный суффикс. Так, на украинском языке январь — «січень», а февраль (по диалектам) — «січень другий» или «січьненько»; в словацком языке январь — «sečeň velký», февраль — «sečeň malý»; в болгарском языке январь — «голям сечко», февраль — «малък сечко»; в сахорватском языке апрель — «travanj mali», май — «travanj veliki»; июнь — «srpanj mali», июль — «srpanj veliki»; в словенском языке апрель — «traven mali», май—«traven veliki», июль—«srpan mali», август— «srpan veliki»; в чешском языке июнь — «červen», июль — «červenec» (в старочешском — «červen druhý» или «červen veliký»).

(в украинском, белорусском, польском и сербскохорватском языках) и **studьnь* (укр. диал.— студень, белорусское — студзень, сербскохорватское — студени, словацкое — studen).

[7] В. Шаур сближает «зарев» с чешским «zarí», образовывает его как «za — rujьnь», т. е. месяц «за (перед) рюеном». Ср. «Etymologicny slovnik jazyka ceskeho». Praha, 1971, s. 710. Большинство этимологов связывают названия «рюен» и «зарев» с глаголами «реветь», «зареветь» и толкуют как «месяц рева» (течки) оленей. Это, на наш взгляд, неубедительно, поскольку такое название выпадало бы из общей земледельческой системы названий месяцев. Мы полагаем, что «зарев» не связан непосредственно со словом «руен» (о нем — в своем месте); представляется, что это название этимологически связано с корневым значением zar — (из индоевроп. gher — ghar — блистать) — «огонь», «сияние», «свет». Характерно, что «заревницами» на Руси назывались костры, зажигаемые по утрам для молотьбы в поле. Если наша догадка справедлива, то становится понятным, почему «зарев» и «серпень» обозначали один и тот же месяц, на который приходилась уборка урожая. Замечу, что и чешское «zariti» означает «блистать», а «zaře» — сияние, свет, заря.

[8] Эту особенность впервые отметил К. Мошиньски, что осталось без внимания в последующих исследованиях. См.: *K. Moszyński.* Kultura ludowa slowian, t. II, cz. 1. Warszawa, 1967, s. 146.

Если позднее происходили перемещения названий, то они затрагивали не один, а два смежных месяца (так — в современном сербскохорватском языке по отношению к старохорватским памятникам XV в.)[9] или какое-нибудь название захватывало и третий месяц. В результате в разных славянских языках название «травень» стало относиться к апрелю, маю и июню, «серпень» — к июню, июлю, августу, «грудень» — к октябрю, ноябрю, декабрю, «студень» — к ноябрю, декабрю, январю[10]. При этом на одном и том же языке в разные эпохи для одного и того же месяца употреблялись различные названия до тех пор, пока не закрепились принятые в современных литературных языках (см. табл. 2).

Еще более парадоксально, на первый взгляд, то, что не все смещения названий месяцев мотивированы различиями в климатических условиях, в которых оказались те или иные славянские народы после расселения (как это принято объяснять). Если для названий весенних и летних месяцев у южных славян, живущих в более теплом климате, такое объяснение приемлемо (в сербскохорватском языке последовательно, а в болгарском и словенском языках отчасти эти названия на один месяц опережают соответствующие названия у восточных и отчасти западных славян), то в чешском языке процесс перемещения названий шел в двух направлениях: «prosinec» и «brezen» закрепились за ранними из смежных месяцев, т. е. соответственно за декабрем и мартом (как у южных славян), а «kveten», «cervenec», «rijen», «listopad» — за поздними. Таким образом, оказалось, что название мая у чехов как будто стало обозначать «запаздывание» цветения деревьев не только по сравнению с Балканами, но даже по сравнению с северным соседом — Польшей, а листопад в Чехии якобы наблюдается позже, чем на Балканах, что является очевидной нелепостью (если связывать перемещение названий месяцев с климатическими условиями). Наряду с этим показательно, что в некоторых случаях одни и те же названия закрепились за одним и тем же месяцем юлианского календаря у народов, оказавшихся в различных климатических условиях. Так, «просинцем» декабрь назывался в украинских памятниках XVI в., а также на староболгарском языке и поныне так называется у чехов и словаков (на народном языке), у сербов и хорватов; «листопадом» называется ноябрь у белорусов, украинцев, поляков, чехов, лужичан, словенцев. Следовательно, в закреплении названия за тем или иным месяцем у разных славянских народов нет строгой последовательности, но сама возможность отнесения одного и того же названия в одних языках к одному, а в других языках к другому месяцу объясняется именно тем, что исконно, до расселения славян, одно и то же название объективно соотносилось со смежными месяцами юлианского календаря. Это обстоятельство, которое на первый взгляд кажется загадочным и как будто осложняет рассматриваемую проблему, в действительности дает ключ к ее разрешению.

Причину отмеченной нами закономерности следует искать в факте, на который не обращается внимания в современных славистических исследованиях. Один из первых русских авторов, писавших о славянском календаре, высказывал остроумную догадку, впоследствии забытую: «...пределы славянских месяцев могли и не совпадать с пределами римских месяцев...»[11]. Согласно гипотезе Д. Прозоровского, год у славян начинался со дня летнего солнцестояния (21 июня по юлианскому календарю), первым месяцем у них был «изок», всего же месяцев было 13. То, что как и у всех народов на определенной стадии их исторического развития, у

---

[9] См.: *P. Skok.* Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. III. Zagreb, 1973, s. 322, 332.

[10] См. также: *K. Moszyński.* Указ. раб., с. 146.

[11] *Д. Прозоровский.* О славянорусском дохристианском счислении времени. — «Труды VIII археологического съезда в Москве», ч. III. М., 1897, с. 205.

Таблица 2

Названия месяцев на славянских языках *

Месяцы	Белорусский	Украинский	Польский	Чешский	Словацкий	Болгарский	Македонский	Сербскохорватский	Словенский	Диалекты русского языка
I	студзень (сечень, люты)	січень (січень перший, просінець, лютий)	styczen (luty)	leden (hruden)	januar l'aden secen velky	януари (голям сечко)	јануари (голем сечко)	јануар сечањ	januar prosinec	—
II	люты (палюты)	лютий (січник, січьненько, січень другий)	luty	unor	februar secen maly	февруари (малък сечко; сух, сухи)	февруари (сечко)	фебруар (вељача)	februar svecan (secan)	—
III	сакавік	березень (березозіл, березінь, березотік, сухий, полютий)	marzec (brzezien)	brezen	marec (brezen)	март (брезен)	марта	март ожујак (брезен, сушац)	marec susec (brezen)	(березовик)
IV	красавік (квецень)	квітень (цвітень, травень, березень)	kwiecien (łzykwiat)	duben	april	април (брезен, брезак; травен)	април	април (травањ, травањ мали, цветањ, брезосок)	april mali traven (brezen)	(цветень)
V	травень	травень (квітень)	maj (kwiecien, izok)	kveten maj (traven, izok)	maj (kveten)	май (цветник)	мај	мај, свибањ (травањ велики)	maj veliki traven (cveten)	(мур) (цветень)
VI	чэрвень (чэрвец)	червень (червець)	czerwiec	cerven (cerven maly, izok)	jun (traven)	юни (црвеник)	јуни (црвеник)	јун, јуни, липањ (червењ, српањ мали)	junij roznik (lipan)	—
VII	ліпень (ліпец)	липень (липець)	lipiec (lipien)	cervenec (cerven druhy, veliky; vresen)	jul (lipen)	юли (црвеник)	јули (црвеник, жетвар)	јул, јули, српањ (српањ велики, житни; ст. хорв. sarpen mali)	julij mali srpan (lipan)	—
VIII	жнівень (серпень)	серпень	sierpien	srpen (vresen)	august	август	август	август, коловоз (вресењ; ст. хорв. sarpen veli)	avgust veliki srpan	(зарник, зарничек, зорничек)

Таблица 2 (продолжение)

Месяцы	Белорусский	Украинский	Польский	Чешский	Словацкий	Болгарский	Македонский	Сербскохорватский	Словенский	Диалекты русского языка
IX	верасень	вересень (вресень, жовтень, серпень)	wrzesień (październik, listopad)	září (říjen, vresen, hruden)	september (vresen, hruden)	септември	септември	септембар, рујан (вресень)	september kimavec	(заревник)
X	кастрычник (паздзернік)	жовтень (паздерник, листопад)	październik (listopad)	říjen (listopad, listoprch)	oktober	октомври (листопад, листокап)	октомври	октобар, листопад (паздерник)	oktober vinotok (rujen)	—
XI	лістапад (грудзень)	листопад (грудень, падолист)	listopad (grudzień)	listopad (padolist, listocný)	november (studen)	ноември (груден)	ноември	новембар, студени (грудан)	november listopad (listognoj)	—
XII	снежань	грудень (студень, студинець, просинець)	grudzień (prosień)	prosinec (hruden, hrudenec)	december (prosinec)	декември (просинец)	декември	децембар, просинац (груден, грудан)	december gruden	(студень)

* В скобках—устаревшие и народные (диалектные) названия. Включены лишь те, которые восходят к общеславянскому названию или являются их синонимами (серпень—жнивень—жетвар—житни).

древних славян существовал лунный календарь, не вызывает сомнений. Однако ошибка Д. Прозоровского заключалась в допущении постоянного количества 13 лунных месяцев в году: 13-месячный год превышал бы астрономический год на 18 суток и, следовательно, исключал бы совпадение названий месяцев с фактическими природными (сезонными) явлениями, которые они обозначали. Вероятнее всего, в эпоху, предшествующую расселению славян, у них формировался лунно-солнечный календарь, из чего исходит и В. Шаур. Он уточняет, по сравнению с Л. Нидерле, систему исчисления времени: «Одним месяцем праславяне называли отрезок времени с новолуния до новолуния...» [12]. В. Шаур считает, что постоянных месяцев у древних славян было 12, но чтобы привести в соответствие лунное исчисление времени с солнечным циклом, «надо было приблизительно раз в три года вставлять внеочередной месяц» [13]. По В. Шауру, год начинался с весны (марта — «брезня»), а 13-й месяц вставлялся в качестве последнего зимнего месяца. Однако о несовпадении границ месяцев праславянского и юлианского календарей В. Шаур не пишет и по традиции соотносит каждое название месяца с определенным месяцем юлианского календаря.

Принимая гипотезу В. Шаура о переменном 12—13-месячном календаре у древних славян (о 13-м месяце скажем далее особо), мы полагаем, что эта гипотеза должна быть дополнена упомянутым соображением Д. Прозоровского о несовпадении границ месяцев в обоих календарях (хотя характер несовпадения и границы лунных месяцев представляются нам иными). В отличие от Д. Прозоровского, обозначившего начало года у праславян летним солнцестоянием, и В. Шаура, связавшего его начало с первым весенним месяцем, мы принимаем точку зрения В. И. Чичерова о том, что начало аграрного года у древних славян приходилось на зимнее солнцестояние [14]. Смысл зимней (святочной) обрядности у всех славян указывает на то, что именно с периодом, следовавшим за зимним солнцестоянием, были связаны религиозные представления, магические обряды и практические заботы земледельца о предстоящем цикле сельскохозяйственных работ. Само название месяца, на который приходилась эта обрядность («просинец»), отражает наблюдение о переходе от темноты к свету, а тем самым — от зимы к лету [15]. Теоретически лунно-солнечный календарь, разумеется, мог начинаться и с летнего солнцестояния, и с весеннего равноденствия, но исключительное значение святочной обрядности, зачинающей аграрный год, и то обстоятельство, что «просинец» — единственное праславянское название месяца в календарной номенклатуре, связанное с постоянным астрономическим явлением, а не с неустойчивыми сезонными явлениями в области флоры или фауны, побуждает нас начинать исчисление месяцев славянского лунно-солнечного календаря именно с этого месяца.

Начало и конец месяцев праславянского календаря были подвижными. Это объясняется несколькими причинами.

По мере отставания юлианского календаря от астрономического (через 128 лет — на сутки), дата зимнего солнцестояния постепенно передвигалась с 21 декабря к середине декабря. Поэтому начало года по юлианскому и славянскому календарям все больше расходились, а разрыв между ними увеличился до двух недель ко времени принятия славянами христианства. В то время, когда были сделаны первые переводы книг с греческого на старославянский и древнерусский языки (IX—

---

[12] *В. Шаур.* Указ. раб., с. 94.

[13] Там же. Ср. *K. Moszynski.* Указ. раб., с. 172 (о традиции вставлять 13-й месяц в Польше, Белоруссии и на Украине).

[14] *В. И. Чичеров.* Указ. раб., с. 64—68. Начало года у древних народов приходилось на самое различное время: на весну (древний Восток, Рим), лето (Афины, Дельфы), осень (Родос, Македония, Византия), зиму (Беотия, Китай).

[15] См.: *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 377.

XII вв.), зимнее солнцестояние приходилось на середину декабря по юлианскому календарю. В русском народном календаре оно закрепилось за 12 декабря, посвященным в православном церковном календаре Тримифийскому епископу Спиридону, поэтому в народе этот день получил названия Спиридон-Поворот, Спиридон-Солоноворот, Спиридон-Солнцеворот, и именно к этому дню относится русская народная примета «солнце на лето, зима на мороз».

Следовательно, в то время, когда монахи-переводчики соотносили названия месяцев юлианского календаря с названиями общеславянскими, начало и конец месяцев славянского лунно-солнечного календаря могли приходиться приблизительно на середину того или иного месяца юлианского календаря или, во всяком случае, захватывали часть одного и другого (поскольку к концу астрономического года граница лунного месяца постепенно передвигалась относительно границ месяца юлианского календаря). Теперь становится понятным, почему переводчики, усвоившие греко-латинские названия месяцев и соотносившие их с исконными славянскими названиями, неизбежно должны были давать одинаковые названия смежным месяцам юлианского календаря. По той же причине позже у разных славянских народов одни и те же исконные названия могли закрепляться за разными месяцами (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение юлианского, праславянского и древнерусского (дохристианского) календарей *

декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
	prosinьcь (просинець)	*sěčьnь* (сѣченъ)	*suhyi* (сухый)	*berzьnь* (березозолъ)	*travьnь* *květьnь* (травенъ)	*izokъ* (изокъ)	*čьrvьnь* *lipьnь* (червенъ)

июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь
sьrpьnь (заревъ)	*versьnь* (рюенъ)	*rujьnь* *pazdernik* (листопадъ)	*listopadъ* (груденъ)	*grudьnь* *studьnь* (студеный)	*prosinьcь* (просинець)

* В таблице приводятся все реконструированные названия месяцев праславянского календаря. Если тот или иной месяц при этом получает двойное название, то первым мы приводим название, реконструируемое на основании старейших памятников славянской письменности. В скобках указываются древнерусские названия месяцев, зафиксированные в памятниках.

Поскольку 12 лунных месяцев составляли 354,4 суток (т. е. лунный год почти на 11 суток короче солнечного года) необходимо было время от времени делать дополнения, чтобы привести аграрный год в соответствие с солнечным. Представленное на нашей таблице соотношение календарей является лишь нормативной схемой. В действительности же вследствие подвижности границ лунных месяцев требовались постоянные коррективы, чтобы восстановить соответствие названий месяцев тем действительным явлениям, которые они обозначали. Остается, следовательно, выяснить, где вероятнее всего вставлялся дополнительный, 13-й месяц, и какое название он мог получать. Как уже отмечалось, В. Шаур предположил, что 13-й месяц вставлялся регулярно через каждые три года перед первым месяцем весны, т. е. мартом. Однако такая строгая регламентация интеркаляции (дополнения лунного календаря) и постоянное место дополнительного месяца в календаре древних славян вызывают сомнения.

В известных науке лунно-солнечных календарях, даже у тех народов, где существовали цивилизации и разработанные системы исчисления времени, «в течение долгого времени не было определенных правил вставки дополнительных месяцев»[16]. Автор специального труда по хронологии древнего мира отмечает, что дополнительные месяцы вводились нерегулярно, иногда в течение одного сельскохозяйственного года, через неравные промежутки времени, иногда через год, в зависимости от практических нужд[17]. Трудно предположить, чтобы у древних славян интеркаляция приобрела иной, регулярный характер.

По-видимому, в праславянском календаре были некоторые относительно устойчивые опоры, обозначавшие некие наиболее важные вехи в постоянно изменяющихся соотношениях между лунными месяцами и солнечным циклом. Такими «опорами» нам представляются: «просинец», указывающий на постоянный, регулярно повторяющийся процесс прибавления продолжительности дня после зимнего солнцеворота, и «серпень», указывающий на главное событие в жизни земледельца — жатву: особое значение имело то, чтобы традиционное название этого месяца совпадало с действительной уборкой урожая[18]. Следовательно, интеркаляция могла производиться в первую очередь или перед «просинцем», или перед «серпнем». Этим, по-видимому, и объясняется, почему двойное название месяца приходится именно на канун этих двух сроков: в первом случае дополнительный месяц получал название «студеного», во втором — «липня». Но, вероятно, интеркаляция могла согласовываться и со сроками весеннего и осеннего равноденствий; в этом случае появлялись синонимические «травень» и «кветень», либо «рюен» и «паздерник»[19].

Необходимость нескольких возможных вариантов интеркаляции объясняется тем, что промежуток времени между солнцестоянием и следовавшим за ним первым новолунием, которым начинался «просинец», не был постоянным: он колебался в пределах полумесяца[20]. Если новолуние следовало тотчас же после зимнего солнцестояния, то необходимость в дополнительном месяце могла появиться уже к началу жатвы (перед «серпнем»), в особенности, если лето было прохладным и созревание хлебов задерживалось. Если же, наоборот, лето было знойным и жатва начиналась раньше обычного, то необходимость дополнительного месяца становилась актуальной лишь осенью или непосредственно перед следующим «просинцем». Таким образом, *не отвлеченные астрономические расчеты, а сезонные колебания погоды диктовали славянам сроки дополнительного месяца*: он вставлялся в разные годы в различные места, а именно там, где оказывалась особенно заметной разница между названием очередного месяца и фактическим сезонным явлением и *где соответствие между тем и другим было особенно практически необходимым.*

Теперь, когда мы установили нормативные соотношения между двумя календарями и наиболее вероятные места для дополнительного месяца, выскажем предварительные соображения о том, как полученные

---

[16] *И. М. Дьяконов, М. Д. Дандамаев, В. А. Лифшиц.* Месяцы в древней Передней Азии.— *Э. Бикерман.* Хронология древнего мира. М., 1975, с. 301.

[17] *Э. Бикерман.* Указ. раб., с. 19, 22, 24, 27, 38.

[18] Характерно, что на древнем Востоке интеркаляция производилась таким образом, чтобы месяц «жатвы ячменя» подогнать ко времени фактической жатвы (*Э. Бикерман.* Указ. раб., с. 19).

[19] К. Мошиньски допускал возможность не только интеркаляции, но и экстракаляции (т. е. исключения, пропуска одного из месяцев) и высказал догадку о следующей последовательности названий месяцев и их возможных комбинаций (начало года он относил к весне): berzьnь, kvetьnь, travьnь, cervьnь (или izokъ), lipьnь, sьrpьnь (или zarevъ), versьnь (или rujьnь), parzdernikъ (или listopadъ), grudьnъ (или studьnь), prosinьcь, secьnь. *K. Moszynski.* Указ. раб., с. 154—155.

[20] См. таблицу астрономических новолуний в указанной работе Э. Бикермана, с. 108—159.

нами выводы могут быть истолкованы в дискуссиях о местонахождении территории, занятой славянами до их расселения.

Все названия месяцев праславянского календаря четко делятся на три типа: как уже сказано, одно (и единственное) название обозначает собственно астрономическое явление (**prosinьcь*), два непосредственно связаны с трудовым процессом — **sьrpьnь* (время жатвы) и **pazdernikъ* (время обработки льна, конопли)[21]. Возможно, что и **secьnь* назван в ознаменование времени, наиболее удобного для рубки («сечки») леса (при подсечном земледелии)[22]. Остальные названия отражают сезонные явления природы, важные с точки зрения земледельца[23].

Чтобы правильно определить время того или иного сезонного явления в праславянском календаре, нельзя механически соотносить границы лунно-солнечных месяцев с серединой месяцев юлианского календаря. Как уже было сказано, границы эти были постоянно подвижными. Причем не забудем, что установленная нами тенденция передвижения начала «просинца» к середине декабря справедлива для конца I тысячелетия н. э.; в первые же века нашей эры, т. е. до расселения славян, зимнее солнцестояние приходилось на 19—21 декабря, и, следовательно, «просинец», начинавшийся с первого после этого новолуния, в большей мере распространялся на январь, «сечень» — на февраль и т. д., хотя и в ту эпоху никогда границы месяцев праславянского календаря не совпадали с границами юлианского календаря[24]. Таким образом, не отождествляя относительные границы месяцев обоих календарей в начале и в конце I тысячелетия, все же приблизительно можно установить сроки тех сезонных явлений, которые обозначались в праславянском календаре. Исчезновение снежного покрова и высыхание почвы, зафиксированное в названии **suhyj*, может быть отнесено ко второй половине — концу февраля, первой половине — середине марта. Появление листьев на березе (**berzьnь* или **berzozolъ*) — ко второй половине — концу марта и первой половине — середине апреля. Появление травяного покрова (**travьnь*) и первых цветов (**cvetьnь*) — ко второй половине апреля — первой половине мая. Размножение гусениц (червей) (**čьrvьnь*) — ко второй половине июня и первой половине июля[25]. На тот же или близкий срок приходилось и цветение липы, что определило вероятность обозначения его другим названием (**lipьnь*), которое в случае необходимости превращалось в название дополнительного месяца, поскольку, как уже говорилось, границы следующего месяца, названного древними славянами «серпнем» (**sьrpьnь*), определялись сроками жатвы (в нормативных пределах июля — августа). Цветение вереска может быть отнесено ко второй поло-

---

[21] *В. Шаур.* Указ. раб., с. 97.

[22] *Н. Н. Черепнин.* Русская хронология. М., 1944, с. 37; *В. Шаур.* Указ. раб., с. 98. Рубка леса производилась, когда устанавливался санный путь.

[23] В двух названиях, кроме того, отразилось значение бортничества в хозяйственной деятельности славян: **lipьnь* и **vresьnь* обозначают время цветения липы и вереска, когда пчелы собирают нектар. Одно название — **izokъ* — остается неясным (буквально — кузнечик; высказывалось предположение, что оно связано с сезонным размножением насекомых — вредителей урожая).

[24] Относя конец славянской общности к первым векам нашей эры, мы исходим из предположений лингвистов о том, что процесс распада общеславянского языка происходил 1,5—1 тысячу лет назад (*В. Н. Топоров.* Некоторые соображения относительно изучения праславянского языка.— «Славянское языкознание». М., 1959, с. 19, 20).

[25] На связь названия **čьrvьnь* с размножением червей, гусениц-вредителей, опасных для растений и будущего урожая («месяц червей»), указывает ряд этимологов (Т. Баранова-Голыньска, В. Шаур). Вместе с тем некоторые авторы (В. Даль, Ф. Миклошич, К. Мошиньски) связывают название месяца с определенным видом червя или гусеницы насекомого (кошениль), из которого добывалась пурпурная краска (отсюда значение: «месяц сбора кошенили»). Реже это название связывают с «червой» — личинками пчел («месяц, когда плодятся пчелы»). См. *K. Moszyński.* Указ. раб., с. 147, 148; *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. IV, М., 1973, с. 334, 335; «Этимологический словарь славянских языков», вып. 4. М., 1977, с. 168, 169, 172, 173. Для нашей проблемы эти расхождения в этимологии не имеют значения, так как все три отмеченные явления совпадают во времени.

вине августа (**versьnь*), а «золотая осень» — ко второй половине сентября — первой половине октября (**rujьnь*)[26]. Тогда же, ранней осенью мяли и трепали лен и коноплю, заготавливали пряжу (**pazdernik*). Листопад приходился на вторую половину октября — первую половину ноября. Наконец, замерзание почвы и первые холода относились ко второй половине ноября — к декабрю (**grudьnь*, **studьnь*)[27].

Думается, что совокупность всех этих признаков в наибольшей мере близка к характеристике климатических условий лесной зоны средней части Восточно-Европейской равнины, где, вероятнее всего, и жили славяне до их расселения[28].

Высказанных нами аргументов, разумеется, недостаточно для окончательного ответа на вопрос: где была прародина славян? Мы лишь указали на один из возможных путей решения задачи, требующей комплексного подхода. Поэтому необходимо привлечение данных исторической географии и палеоботаники для уточнения сроков тех сезонных явлений, которые отражены в номенклатуре месяцев праславянского календаря, в частности сроков цветения березы, липы и вереска, а также границ распространения этих растений в эпоху славянской общности. Но это — предмет специального анализа, выходящего за рамки настоящей статьи и за пределы компетенции автора. Наша задача заключалась в том, чтобы привлечь внимание к материалу, который в совокупности с дальнейшими археологическими, антропологическими, гидронимическими, топонимическими и другими лингвистическими исследованиями позволил бы точнее локализовать местонахождение прародины славян.

Однако в заключение мы хотели бы подчеркнуть, что проблема этногенеза славян не сводится лишь к определению ареала, откуда шло их расселение. Мы разделяем взгляды тех ученых, которые считают, что эта проблема шире и универсальнее — она охватывает все стороны жизни и мировоззрения наших предков[29]. Поэтому независимо от того, в какой мере номенклатура месяцев праславянского календаря повлияет на дискуссию о прародине славян, сам по себе этот календарь как одна из форм отражения временных представлений древних славян позволяет осветить одну существенную грань многосторонней проблемы этногенеза.

---

[26] Несмотря на то что большинство этимологов, а вслед за ними и В. Шаур отвергают связь названия **rujьnь* с представлениями о цвете (желто-красном), мы принимаем толкование Т. Барановой-Голыньской (T. Baranowa-Hołyńska. Указ. раб., с. 63, 64) этого названия со значением «желтый месяц» (точнее — «оранжевый месяц»). Приведем дополнительные аргументы: в сербскохорватском языке «рујан» означает красный (багряный) цвет не только в сочетании «рујно вино», но и, что особенно важно, в сочетании «рујна зора» (в народно-поэтических текстах); кустарниковое растение красного цвета на Балканах носит название «рој»; старое название лесистой горы «Златибор» в Сербии — «Рујан»; словенское «rujen», также имеет значение «красноватый». Следовательно, название **rujьnь* возникло как отражение наблюдений земледельца над сезонным изменением в окраске растительности.

[27] «Грудень» — месяц, когда замерзающая земля образует груды.

[28] Имеется в виду гипотеза Л. Нидерле, поддержанная и конкретизированная советскими лингвистами С. Б. Бернштейном (Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961) и Ф. П. Филиным (Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962), согласно которой прародина славян находилась между верхним течением Вислы на западе и средним течением Днепра на востоке, Припятью — на севере и верховьями Южного Буга и Днестра — на юге. Ср. вывод археолога Д. А. Мачинского: «В I—IV вв. н. э. родиной основной массы славянства была южная часть лесных областей Восточной Европы» (*Д. А. Мачинский.* К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках.— «Археологический сборник». Л., 1976, с. 98). Замечу, что предполагаемая названными исследователями территория несколько шире реконструированного Д. А. Мачинским ареала «венедов» Тацита и приблизительно соответствует ареалу, охватывающему территорию венедов и антов IV—V вв. н. э. (см.: *Д. А. Мачинский.* Указ. раб., с. 86, рис. 1, с. 88—90, рис. 4); *его же.* Древнейшее достоверное письменное свидетельство о славянах и его археологическое соответствие.— «Etnologia Slavica», VI, 1975).

[29] Эта мысль была высказана Н. И. Толстым в его докладе «Этнолингвистические аспекты этногенеза славян» на заседании Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики (19.V.1978 г.).